

Индекс эффективного количества партий как инструмент анализа партийных и избирательных систем

А.А. Шуров

В западных странах, в условиях развитой демократии, актуальной является проблема соотношения стабильности правительства и представленности политических сил в парламенте. Манипулирование избирательными институтами позволяет смещать баланс в ту или иную сторону. Что, в свою очередь, актуализирует поиск точки равновесия между уровнем представительства и стабильностью работы кабинета министров. Увеличение числа политических сил в парламенте ведет к необходимости формирования коалиций, и, соответственно, чем выше раздробленность политических интересов, тем меньше продолжительность функционирования кабинета министров. Рейн Таагапера, эстонский политолог, в предисловии к своей книге «Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems», приводит в качестве примера Новую Зеландию. До 1996 г., по его оценке, средняя продолжительность жизни кабинета министров составляла примерно 6,3 года. После того как в 1996 г. в Новой Зеландии произошли изменения избирательного законодательства, способствовавшего появлению недолгоживущих коалиционных кабинетов, по предварительной оценке исследователей, продолжительность жизни кабинета должна была составить два года, с погрешностью в $\pm 30\%$. В период с 1996 по 2006 г. фактическая продолжительность жизни кабинетов составляла 1,4 года, что соответствует нижней границе погрешности в теоретических расчетах¹. Вместе с тем ряд исследователей, в частности М. Дюверже, Р. Таагапера и Г.В. Голосов, отмечают, что как в новых демократических государствах с незрелой политической культурой, так и в демократиях со сложной системой избирательных законов существует ряд проблем с анализом ситуации. В странах незрелой демократии на процедуру избирательного процесса оказывают сильное влияние посторонние факторы, носящие уникальный характер, а в тех странах, где избирательная система отработана, — усложнение самой процедуры способствует усилению неопределенности.

Первым необходимым шагом на пути формализации зависимости соответствия партийных и избирательных систем является локализация ее применимости, которая, в свою очередь, определяется уровнем институционали-

¹ *Taagepera Rein. Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems. New York: Oxford University Press Inc. 2007. P. 6–7.*

зации избирательного процесса. Под институционализацией в данном случае понимается процедурное определение, данное Хантингтоном: институционализация — это процесс, в ходе которого институты приобретают ценность и важность. То есть вопрос локализации можно поставить следующим образом: играет ли в рассматриваемой политической системе формализованный избирательный институт важную роль или же на передний план выходят неформальные институты — кланы, профессиональные и полупрофессиональные группы политической элиты и т. д. Соответственно, чем ниже уровень процедурной институционализации, тем меньше корреляция между партийными и избирательными системами.

Конкретизируя, можно выделить три основных признака, характеризующих взаимозависимость между партийными и избирательными системами.

Во-первых, состав национального политического руководства должен определяться в ходе открытых и честных выборов. То есть таких выборов, на результат которых будет влиять решение населения, а не различные «черные» политические технологии и административный ресурс. В противном случае, институт выборов превращается в соревнование по использованию этих инструментов для формирования желательных результатов, что обесценивает влияние такого формального института, как избирательная система (такая ситуация выходит за рамки данного исследования).

Во-вторых, открытость и честность выборов лишь позволяют учесть волеизъявление населения. Однако в первую очередь население должно быть допущено до политического процесса. Само по себе участие в процедуре избрания является лишь завершающим проявлением включенности населения в избирательный процесс. Однако если сам по себе процесс формирования политических сил, принимающих участие в выборах, находится под жестким контролем, появляется еще один фактор, который значительно уменьшает взаимозависимость между партийными и избирательными системами. Что, в свою очередь, подразумевает определенный уровень открытости политической системы и вовлеченности в ее работу населения.

В-третьих, выборы должны носить решающий характер, ведь в ином случае они превратятся лишь в формальность, ритуал, как это происходит во многих восточных обществах, где господствует клановая система. В таком случае институт выборов лишь дублирует кровно-родственные механизмы рекрутинга политической элиты и не играет сколь-нибудь значимой роли, выступая ритуальным атрибутом, должным демонстрировать современность и демократичность подобной политической системы в глазах посторонних.

Данный феномен можно обозначить как существование параллельной независимой системы взаимодействия между политической системой и социальным окружением в условиях доминирования клановой системы. Неформальные традиционные институты в подобных обществах обладают огромным влиянием, многократно превосходящим авторитет формальных институтов. Можно сказать, что начало развитию современных политических институтов положил именно отказ западного общества от подобных традиционных практик, подстегнутый урбанизационными процессами, способствовавшими разрушению системы кровно-родственных связей. Как отмечает Таагапера, «только передача

власти от предков потомкам может конкурировать с выборами в законности процедуры». Клановые общества оказываются перед дилеммой: либо традиционная система достаточно монолитных социальных образований на основе родства, практически полностью подчиняющих себе многие сферы жизни индивида, либо современные институты представительной демократии, рассчитанные на взаимодействие с отдельными индивидами. Эти системы находятся в параллельных, не пересекающихся плоскостях, а потому сложно рассчитывать на их постепенное слияние и срастание в единое целое. Общество может быть ориентировано только на одну систему, и ее дублирование бессмысленно.

Резюмируя, можно сделать вывод: тип избирательной системы не коррелирует с существующей партийной системой в трех случаях — в случае масштабного искажения избирательного процесса, в случае недопущения появления новых политических акторов и в случае существования параллельной, приоритетной системы рекрутинга.

При проведении оценки партийных систем Голосов и Сартори выделяют три основных критерия: наличие партии большинства, имеющей более 50% голосов в парламенте; существование идеологической дистанции (поляризации) и чередование власти. Первый параметр демонстрирует масштабы фрагментации партийной системы, второй — отвечает за уровень однородности/неоднородности этих фрагментов, и наконец, третий параметр определяет динамику партийной системы.

Голосов обосновывает необходимость такой сложной системы критериев следующим образом: «В настоящее время количественный критерий классификации партийных систем не пользуется единодушной поддержкой в политической науке. Если некоторые исследователи принимают его почти без оговорок (например, М. Дюверже), то другие — полностью отрицают (Дж. Лапаломбара). И действительно, главный недостаток такой классификации очевиден: она сводит все многообразие партийных систем к двум типам, один из которых наблюдается в пренебрежимо малом числе случаев. Преодолеть этот недостаток можно двумя способами. Первый из них заключается в разработке на той же основе более детальной классификации с использованием для различения партийных систем политических критериев; второй — в определении строгого статистического критерия, который позволил бы ввести численную характеристику для каждой из существующих партийных систем»².

Первый путь был избран Дж. Сартори. Он предложил типологию, включающую семь разновидностей партийных систем: политическую систему с одной партией, систему с партией-гегемоном, систему с преобладающей партией, двухпартийную систему, системы ограниченного и крайнего плюрализма и атомизированную систему. Особое внимание он уделял системам с большим количеством партий. В первую очередь его интересовал крайний, или поляризованный, плюрализм, который характеризуется, во-первых, наличием «антисистемных партий», выступающих против существующего социально-экономического и политического строя (они не разделяют ценностей системы, внутри которой

² Голосов Г.В. Сравнительная политология. 3-е изд., перераб. и доп. СПб: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2001. С. 167.

они действуют и имеют отличающуюся идеологию). Во-вторых — наличием многополюсных (чаще всего двухсторонних) оппозиций. Речь идет о политических силах, относящихся к правительству критически, а также противостоящих друг другу в политическом спектре, чаще всего образуя два фланга — «правых» и «левых» — относительно действующей власти. Поляризация оппозиционных сил приводит к достаточно жесткому конфликту между ними. При этом сами «полюса» достаточно условны и зачастую скрывают весьма жесткие противоречия, а само разделение на «правых» и «левых» проистекает из цели «против кого дружить». Еще одна причина, способствующая противостоянию, это конфликт большинства и меньшинств. Большинство достаточно пассивно, а политические силы, ориентирующиеся на большинство, находятся в состоянии конфликта друг с другом, поэтому возможности данного политического сектора весьма ограничены. В то же время различные меньшинства склонны проявлять повышенную политическую и социальную активность, а среди их представителей существенно меньше противоречий, что позволяет им выступать единым фронтом. Этими факторами и объясняется формирование двух видимых секторов оппозиции, находящихся в постоянной борьбе друг с другом, часто действующих не только во вред обществу, но даже и во вред своим «коллегам».

Поскольку антисистемные партии не допускаются к участию в правительстве, их оппозиция часто носит безответственный характер. Они действуют по принципу «чем хуже — тем лучше». «Вероятно, — пишет Сартори, — оппозиция вела бы себя более ответственно, если бы она ожидала, что ей, возможно, придется “отвечать”, то есть выполнять то, что она обещала». «Безответственность же приводит к стремлению политических партий превзойти друг друга в раздаче обещаний, которые никогда впоследствии не выполняются»³, — отмечают Г.В. Голосов и Дж. Сартори.

Эти два исследователя придерживались позиции поиска инструментов оптимизации политических процессов. Заметим, что Голосов рассматривал политическую науку как средство оптимизации политических систем. Одну из своих статей он заключает словами: «Альтернатива между умеренным и крайним плюрализмом может быть решена в пользу первой системы посредством осмотрительной и своевременной “политической инженерии”. Естественно, надо уметь предвидеть, чтобы принимать меры вовремя. После того как с ларца Пандоры крайнего плюрализма снята крышка, возможности поставить ее на место крайне малы. Но современная политическая наука достигла стадии, которая позволяет предвидеть и, следовательно, при желании принять необходимые меры»⁴.

В качестве альтернативы качественному подходу Сартори Голосов предлагает количественный подход, к которому он относит прежде всего концепцию «эффективного количества партий», предложенную эстонскими политологами Марку Лааксо и Рейном Таагеперой. Впрочем, нельзя сказать, что количественный и качественный методы диаметрально противоположны. Скорее, они дополняют друг друга. Также стоит отметить, что Голосов, будучи признанным

³ Там же. С. 168.

⁴ Там же. С. 168.

экспертом в сравнительной политологии, склонен рассматривать формулу эффективного количества партий исключительно в теоретическом ключе, как научный инструмент, инструмент сравнительных исследований, в то время как сам Таагепера отмечает, что причиной, побудительным мотивом его исследования выступали конкретные политические проблемы⁵.

И именно поэтому достаточно перспективным представляется рассматривать «эффективное количество партий» — как динамический ограничитель плюрализма, вырвавшегося из «ящика Пандоры», о котором писал Сартори.

Математическое выражение формулы эффективного количества партий выглядит следующим образом:

$$N_p = 1 / \sum (p_i)^2 \quad (1),$$

где p_i — доля голосов (мест) партии на выборах.

Г.В. Голосов демонстрирует работу формулы на ряде примеров: «Посмотрим, как “работает” эта формула. Предположим, некая система состоит из четырех партий (p), каждая из которых получила по 25% голосов на выборах. Тогда N будет равно единице, деленной на четыре раза по 0,25 в квадрате. Результат равен четырем, что, собственно говоря, было видно и без всяких вычислений. Читатель может без труда убедиться, что при величинах (51, 42, 5, 1, 1) N будет равняться 2, 3; при (51, 26, 11, 11, 1) — 3,1; при (40, 37, 11, 11, 1) — 2, 9; при (40, 37, 9, 9, 5) — 2, 6»⁶. Как видно из этого примера, формула Лааксо и Таагеперы приписывает определенный вес крупнейшим партиям. Однако «эффективное количество партий» является не единственным подобным индексом. Также стоит отметить альтернативные индексы, предложенные Джоном Вилдгеном и Хуаном Молиаром. Несмотря на то, что они конструктивно близки индексу «эффективного количества партий», они тем не менее занимают полярные позиции. Первый из них также называют «индексом гиперфракционности» в силу того, что тот математически выделяет малые партии. Второй же, напротив, приписывает особый вес наибольшей партии. Очевидно, такое разделение вызвано задачами, для решения которых и были разработаны данные формулы.

Стоит также отметить ряд недостатков, присущих индексу рассматриваемому индексу.

1. Индекс оперирует всего несколькими показателями, что неизбежно ведет к потере информации.
2. Он не позволяет учитывать качественные особенности отдельных акторов.
3. В силу своей узости данный индекс не учитывает местную специфику.

Таким образом, этот метод в качестве именно научного инструмента для проведения количественного анализа партийных систем в сравнительных политических исследованиях прост в использовании, однако он оставляет без внимания многие важные факторы. В случае сравнения разных стран культурные, исторические, экономические и иные особенности, оказывающие силь-

⁵ *Taagepera Rein. Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems. New York: Oxford University Press, Inc., 2007. P. 6–7.*

⁶ *Голосов Г.В. Указ. соч. С. 169.*

ное влияние на политическую систему, будут игнорироваться. Поэтому имеет смысл сравнивать разве что достаточно однородные случаи, чтобы избежать некорректного использования данной формулы в отношении, к примеру, электорального авторитаризма.

Итак, на наш взгляд, наиболее эффективно данный инструмент может быть использован при анализе электоральных процессов не на уровне центральной власти в ряде стран, и даже не в виде кросстемпоральных исследований (на все том же уровне центральной власти), а на уровне региональном и даже местном, где политический накал заметно ниже, где существуют одинаковые правила игры, а также присутствует арбитр в лице государственной власти.

Другой недостаток проистекает из самой формулы — она разрабатывалась как инструмент определения количества реально значимых акторов и работает только в одну сторону. Данный индекс может показать излишнюю фрагментацию, но не недостаток представительности.

Более того, использовать формулу (1) представляется некорректным еще в одном случае — в случае, если рассматриваемая политическая система допускает функционирование внутрипартийных коалиций и борьбу между ними на выборах.

Как уже упоминалось выше, Голосов предпочитает рассматривать индекс эффективного количества партий именно как инструмент количественного анализа партийных систем. И в этом аспекте его не удовлетворяет тот факт, что индекс не всегда позволяет четко различить двухпартийные системы и системы с доминирующей партией.

Голосов предлагает модернизированный вариант формулы Лааксо и Таагеперы:

$$N_p = \sum (p_i / (p_i + p_1^2 - p_i^2)) \quad (2),$$

при этом p_1 — величина наибольшего компонента. При использовании этой формулы как для всех двухкомпонентных систем, так и для систем с равновеликими компонентами, эффективное число будет равно единице, деленной на p_1 . К сожалению, следует констатировать, что эффективное число партий даже в соответствии с усовершенствованием, сделанным Голосовым, не позволяет четко описывать партийные системы. Оно по-прежнему не способно различить системы, в которых лидирующая партия имеет простое большинство мест, и системы, в которых у нее такого большинства нет. Также оно делает очень слабые различия между системами с доминирующей партией (в которых у доминирующей партии не очень большое преимущество) и между 2,5-партийными системами.

Используя индекс эффективного количества партий, эстонские политологи Лааксо и Таагепера решают проблему баланса представительности и эффективности избираемого органа, а также его зависимости от электоральных механизмов. Однако этот инструмент работает только в сторону выделения числа наиболее влиятельных акторов по результатам распределения голосов на выборах. Такая формула в принципе не способна отразить недостаток представительности, возникающий, к примеру, в силу слишком жестких электоральных барьеров.

Большинство исследователей рассматривает индекс «эффективного количества партий» как инструмент качественного анализа партийной системы. И в этом качестве в развитие методики определения количественной характеристики партийных систем большой вклад внес Г. Голосов. В частности, им было предложено решение такой проблемы, как недостаточная точность в определении некоторых типов партийных систем количественными методами.

Однако наибольший интерес индекс «эффективного количества партий» представляет именно в качестве механизма корректировки избирательной системы.

Список используемых источников

1. *Бекназар-Юзбашев Т.Б.* Партии в буржуазных политико-правовых учениях. М.: Наука, 1988.
2. *Гамбаров Ю.С.* Политические партии в их прошлом и настоящем. 2-е изд. СПб, 1905.
3. *Голосов Г.В.* Сравнительная политология / 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2001.
4. *Дюверже М.* Политические партии / пер. с франц. М.: Академический проект, 2000. 538 с.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. ГУ ВШЭ. М., 2000.
6. *Пишизова С.Н.* Какую партийную систему воспримет наше общество? // Полис. 1998. № 4.
7. *Семенов В.А.* Социально-философский анализ развития клановых исламских обществ: автореферат дисс. канд. филос. наук. СПб, 2013. 22 с.
8. *Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. Yale University, 1999.
9. *Sartori G.* Parties and Party Systems // A Framework for Analysis. Vol. 1. N. Y., 1976.
10. *Taagepera Rein.* Predicting Party Sizes: The Logic of Simple Electoral Systems. New York, Oxford University Press, Inc., 2007.